

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Вести о гр. Л. Н. Толстом

«Прошло около двадцати семи лет со дня моего отъезда на родину из Ясной Поляны. В этот долгий промежуток времени Лев Николаевич успел обзавестись семейством, а свою литературную деятельность ознаменовать двумя капитальными произведениями под названиями „Война и мир“ и „Анна Каренина“...»

**Николай Васильевич
Успенский
Вести о гр. Л. Н. Толстом**

— Милый сынок! — говорила мне мать. — Отдай одну графскую лошадку Ванюшке, а то у него только парочка, и он на ней не доедет до Кавказа; тарантас тяжелый, детей куча.

— Что ж, пускай Ваня возьмет Сумасшедшего, которого я заработал пером...

— Да Сумасшедший не годится для такой дальней дороги... на первой же версте он всех растреплет либо завезет куда-нибудь в канаву.

— Нет! — возразил мой отец. — Сумасшедший просто жидок... на нем только ездить верхом...

— Как верховая лошадь она никуда не годится, — заметил я, — отъедет версты две — и сейчас на дыбы, а если затянешь поводья — опрокинется на спину и седока придавит... словом, вам угодно Чалого? Но ведь он не мой... графский...

— Ты его после тож как-нибудь заработаешь пером, для тебя это ничего не стоит, — зажуждали все мои родные...

— Ну, хорошо, хорошо! — воскликнул я. — Позвольте мне несколько подумать...

– Думай, сколько хочешь... потому до отъезда осталось еще целых две недели...

Пока я обдумывал, каким бы манером «поддеть на перо», как выразился отец, другую лошадь Льва Николаевича, судьба готовилась нанести моим родным тяжкий удар... Чалый, как будто с горя, что ему предстоит далекий путь, начал хиреть, перестал есть корм и, повесив голову, в глубокой задумчивости стоял перед яслями... В одно прекрасное утро он заснул мертвым сном...

Сумасшедший, благодаря своей взбалмошности, так-таки и отделался от своей обязанности тащить обремененный многочисленным семейством тарантас за тысячу с лишком верст...

В конце мая я возвратился в Ясную Поляну.

– Лев Николаевич дома? – спросил я кучера.

– Никак нет... Они в Самарской губернии кумыс пьют... Пироговские приезжали, сказывали, что граф купил там вот какую область земли – и не выговоришь: больше десяти тысяч десятин... А что же это вы приехали

на одной лошади?

– Да Чалый-то издох...

– Тэ-эк-с... Значит, приказал долго жить. Уж я в те поры, как вы поехали отсюда, подумал: беспременно что-нибудь случится с вами: либо где-нибудь в зажоре искупаетесь, либо лошадей отобьют... Ну, слава Богу, хоть сами-то вживе остались...

– Ты, Алексей, вот что сделай: взамен Чалого поставь в конюшню Сумасшедшего и скажи графу, что я от него отказываюсь...

– Напрасно вы эти слова говорите, Николай Васильевич; первое дело, вы ни в чем не причинны, что у вас пала лошадь... сами знаете: в животе и смерти Бог волен... второе дело, Лев Николаевич терпеть не может Сумасшедшего... за его ухватку... Наконец, того, я должен этому идолу отпустить сено и овес, а без графского разрешения я не могу этого сделать. Сами посудите... А вот лучше всего: не угодно ли вам с дорожки чайку попить со мною да водочкой заняться... Пожалуйте в анжерю... Я теперь наибольшую часть там живу, потому садовник Михей с кругу спился и получил расчет...

Я не отказался от гостеприимного предложения кучера и отправился в знакомую оранжерею, где мы не раз подолгу беседовали со Львом Николаевичем о литературе, о городах как рассадниках разврата, о «Происхождении видов», о любви, а больше всего о кратчайших путях, ведущих человечество к счастью...

– Не правда ли, хорошо здесь? – внося в оранжерею самовар, с веселой усмешкой спросил меня кучер. – Главная причина – здесь много кислорота...

– Откуда ты взял это мудреное слово?

– А как же! Разве вы не помните: жил у нас химик швейцар... Это я от него занялся... Ну, да и то сказать: пользительная эта наука – химия... дай Бог помереть!.. Прежде, бывало, чистишь, чистишь конюшню-то с утра до вечера и сам не знаешь, какое теперь действие отражает на человека этот самый конюшенный запах?.. А в настоящий, к примеру, момент я и близко-то подойти боюсь к навозной куче... Сейчас зажимаю нос, чтобы, значит, яд не пропитался в дыхательное легкое... Очень просто: может случиться кровавое зарождение... Ну, и человек, стало быть, погиб... Я уж

за себя мужиков заставляю чистить конюшню...

– Прекрасно! Где ж теперь этот химик? Здесь или куда уехал?

– Давно укатил за границу... Да ведь послушайте, Николай Васильевич, разве возможно человеку, будем говорить, полированному и который в своем виде как следует настоящий учитель, обтесывать, производить в порядок мужицких ребят? Ведь с ними с ума сойдешь: ты ему говоришь «алтерия», а он кричит «бугалтерия», учитель толкует ему, что такое «кисловрот», а он долдонит «букиврот»... Да с этим народом, я вам скажу, и святой-то согрешит... Вот от этого от самого швейцар-то и сбежал... Да и все учителя разбежались... потому граф объявил им, что яснополянские школы закрываются навсегда... аминь!..

Прошло около двадцати семи лет со дня моего отъезда на родину из Ясной Поляны. В этот долгий промежуток времени Лев Николаевич успел обзавестись семейством, а свою литературную деятельность ознаменовать двумя капитальными произведениями под

названиями «Война и мир» и «Анна Каренина».

Какими-то судьбами мне пришлось проезжать через город Крапивну, где я узнал, что брат гр. Толстого – Сергей Николаевич, с которым мы некогда находились в самых дружественных отношениях, состоит в должности крапивенского предводителя дворянства. Я на время отложил свое путешествие, решившись во что бы то ни стало повидаться с ним, тем более что его приезда в Крапивну ожидали со дня на день. Получив известие, что Сергей Николаевич вместе с Бибиковым (председателем земской управы), ближайшим соседом Льва Николаевича, прибыл в город, я немедленно отправился в квартиру, которую они занимали... Дело было вечером.

– Что вам угодно? – вежливо и с неподдельным участием спросил меня граф.

– Сергей Николаевич, вы не узнаете меня... Помните вы Николая Васильевича Успенского?..

– Боже мой! – отступая назад, с распростертыми руками воскликнул граф. – Да неужели это вы, Николай Васильевич... что же это та-

кое? Как мы с вами изменились... Ай, ай, ай!.. Впрочем и немудрено: целая четверть века пронеслась с тех пор, как вы жили в Ясной Поляне и гостили иногда в моем Пирогове... Садитесь, пожалуйста, давайте с нами обедать... Позвольте вас познакомить: Бибииков, Успенский.

– Да мы давно знакомы с Николаем Васильевичем, – заметил Бибииков, – помните, вы однажды весной приезжали ко мне со Львом Николаевичем...

– Очень хорошо помню, – сказал я, – не забыл даже, как вы со Львом Николаевичем играли в бильярд...

– А вы слышали, брат Лев-то? – с тревожным видом обратился ко мне Сергей Николаевич.

– Что такое?

– Исповедует вегетаризм, пишет для народа книжки, ходит по святым местам в лаптях... Сам себе готовит пищу, ездит по воду с бочкой, а раз одной яснополянской вдове-крестьянке вспахал целый осьминник земли... Да вы, Успенский, хорошо знакомы с тенденциями, которые он проводит в своих книж-

ках?

– Еще бы! Недавно я был сельским учителем, и мне нарочно присылали из училищного совета целые вороха позднейших произведений Льва Николаевича, в которых он проповедует, что богатство – зло, деньги – пагуба, что мужику нужен не надел, который бы обеспечивал его существование, а всего только три аршина земли, что не следует сопротивляться злу и «аще хоцещи совершен быти, раздай свое имение нищим»...

– Ну да! Что вы на это скажете?

– Мне кажется, что Лев Николаевич должен был бы своим примером санкционировать те принципы, которые он проводит в своих книжках. Отчего бы, например, ему не подарить нищим свою Ясную Поляну?

– Он говорит, что она ему не принадлежит и что он сам живет в ней в качестве нищего, «из милости»...

– Ну, вот самарскую землю роздал бы бедным крестьянам...

– «Эта земля тоже, – говорит, – не моя... кроме лаптей на ногах, у меня ничего нет... Когда мне нужно идти в баню, я и то обраща-

юсь с просьбой к своим дать мне пятачок»...

При последней фразе мы разразились дружным веселым смехом.

– Дивны дела Твои, Господи! – скрестив руки, с усмешкой проговорил Сергей Николаевич. – Вы теперь, Успенский, куда же направляете свой путь?

– В Питер, если Бог донесет...

– К брату заедете? Он теперь живет в Москве в Хамовниках... я дам вам адрес...

– А не сердится на меня Лев Николаевич?

– За что же? Бог с вами!..

– Помните, я по вашему настоянию сообщил в семействе Ауэрбах о неласковом обращении вашего брата с одним из его учеников...

– Эх, батенька! Да он забыл об этом и думать. «В детском возрасте, – говорит, – я не такие дела разделявал»... Пустяки! Непременно заезжайте...

На другой день я отправился в Москву, заручившись подробным адресом Льва Николаевича.

* * *

Около десяти часов вечера я сел в вагон

третьего класса, и лишь только поезд тронулся от станции Ясенки, как один из пассажиров, протирая занесенное снегом стекло, воскликнул:

– А вот сейчас будет и Ясная Поляна, где живет наш знаменитый беллетрист и философ Лев Николаевич Толстой...

– Как жаль, что ничего не видать! – заметил другой пассажир, стараясь рассмотреть историческую достопримечательность.

– Одним словом, райское местечко, – пояснил пожилой мужчина с длинными волосами, одетый в засаленный подрясник, – мне неоднократно случалось бывать у графа... У него два каменных дома – что твои дворцы!.. Прекрасный сад, анжерейя, разные службы и надворные постройки...

– А вот подите, – возразил первый пассажир, – сам обладатель этого райского местечка ходит в лаптях...

– Я так понимаю, – смиренно отвечал подрясник, – на них нашло какое-либо затмение... Так как и с небесными светилами случается затмение, то почему же ему инде не помрачить умы и земных светил, с каковыми

достойно есть сопричислить Льва Николаевича...

Вскоре между пассажирами возник ожесточенный спор по поводу воззрений и миро-созерцания графа Толстого; по всем углам вагона раздавались слова: *политеизм, деизм, дарвинизм, социализм, коммунизм и даже буддизм...*

– Но ведь позвольте, – возражал один из оппонентов, – у самого Будды не было, как говорится, ни кола, ни двора, ни куриного пера, и он проповедовал: «Блажен муж, не имеющий собственности, и его же стези не ведают ни люди ни духи»... А у графа есть имение, и всем известно, куда он в лаптях пошел... в Оптину ли пустынь, в село ли Спасское к Тургеневу или из Москвы в Ясную Поляну.

– Я об этом не спорю... я хочу только сказать, – густым басом провозгласил на весь вагон другой диспутант, – Толстой в своих книжках для народа намечает те пункты или, так сказать, вехи, которые ведут человечество к земному счастью...

– Какие же это пункты?

– Во-первых: не сопротивляйся злу – р-ра-

аз!..

– Другими словами: сиди сложа ручки, когда тебя будут колотить по затылку?.. Еще, позвольте вас спросить, какой пункт ведет людей к счастью?..

– «Давай больше, бери меньше»...

– Ах, да! Это значит: корми других посытнее, а сам живи впроголодь...

– Не токмо впроголодь, – подхватил подрясник, – а по Писанию, каждый из нас, моггий вместити, обязан питаться акридами... и диким медом...

– Ну, что ж, если все мы, господин паломник, будем питаться акридами, какое значение придадите вы тогда ржи, пшенице, вину и елею?

– Да ведь я говорю: моггий вместити... да вместит! А что, конечно, мы по слабости человеческой засеваем рожь, ячмень, горох и всякие злаки...

– По слабости!.. – вдруг разразился громовым голосом один из пассажиров. – Мы едим хлеб по слабости человеческой... Ах ты, ханжа! Уж не переодетый ли ты граф Толстой?.. Сам ты пьешь водку?

– Не брезгую мирским подаванием...

– А если тебе предложить жареного поросенка или утку с капустой, – тоже не откажешься?..

– Паки глаголю: не побрезгую...

– Не только не побрезгуешь, а будешь пожирать сию снедь, аки лев или акула... Как же ты проповедуешь, что не следует употреблять в пищу хлеб?.. Признавайся, – хватая за руку паломника, продолжал оратор, – ты не граф Толстой?!

Все пассажиры разразились громким смехом.

– Отвечай, кто ты.

– Даю вам честное слово, что я не граф Толстой... Я Владимирской губернии крестьянин... был живописцем, потом звонарем при Христовоздвиженской церкви, овдовел, а после того начал странствовать...

– То-то же! Смотри у меня, в другой раз не проповедуй, что люди рождаются на свет для того только, чтобы умереть голодной смертью или от «измождения плоти».

В восемь часов утра наш поезд благополучно прибыл в Москву.

– Эй, барин, барин, пожалуйста! – нестройным хором кричали извозчики, с изумительной удалью, один перед другим, наезжая на пассажиров близ вокзала Московско-Курской железной дороги.

– В Хамовники! – сказал я.

– Один билетик, сударь... Уж и прокачу за первый номер... Останетесь довольны...

Я сел в пролетку и в скором времени очутился чуть не на самой окраине Москвы.

Дом, в котором обитал наш «бессмертный и гениальный» беллетрист, был в полном смысле «дореформенный» барский дом или, как выражаются наши крестьяне, «барские хоромы». Он примыкал к обширному саду и окружен был соответствующими барскому помещению надворными постройками, в числе которых была дворницкая, куда я счел необходимым зайти, чтобы узнать, принимает ли граф.

– По утрам они никого не принимают, – слышался голос из-за печки, – вечером приходите...

Но мне так хотелось повидаться со Львом Николаевичем, что я решился войти в самые

«хоромы».

В просторной передней я не встретил ни швейцара, ни слуги и долгое время принужден был осматривать стены, мебель, большое зеркало и ведущую вверх лестницу, устланную коврами и украшенную тропическими растениями.

Но вот послышались чьи-то шаги... я вдруг увидел с апатичной наружностью лакея в накрахмаленной рубашке и во фраке.

– Что вам угодно? – небрежно отнесся он ко мне.

– Могу я видеть графа?

– Они утром никого к себе не принимают...

– Скажите им мою фамилию...

Апатичный лакей поднялся наверх и вскоре вынес следующую, отрадную для меня, резолюцию:

– Пожалуйста!

Поднявшись по лестнице, я прошел зал, увешанный картинами в золоченых рамах, затем длинный коридор, по обеим сторонам которого сопровождали меня двери, напоминавшие меблированные комнаты. Но вот в самом конце коридора показалась коренастая

фигура самого гр. Л.Н. Толстого, одетого в широкую блузу, подпоясанную ремнем...

– По утрам я никого не принимаю, – пожмая мне руку, сказал граф, – но вас без чаю не отпущу... Садитесь, рассказывайте, где были и что видели? Мы с вами давненько не видались... У брата Сергея не были?

– Я виделся с ним в Крапивне... Он мне и сообщил ваш адрес.

– Ну, о чем с ним толковали? – садясь в кресло, спросил Лев Николаевич.

– Все об вас... Вы для всего русского народа представляете какой-то неразгаданный сфинкс...

– Ха-ха-ха!.. Это превосходно! Ну, скажите, пожалуйста, за что нарекли меня сфинксом, когда я проповедую одни только евангельские истины? «Не сопротивляйся злу», например...

– Но в Евангелии, Лев Николаевич, этого не сказано, – возразил я, – да и физиология вам докажет, что даже обезглавленная лягушка старается лапой устранить от себя укол булавкой в силу рефлекса...

– Все это я знаю и все это читал... Скажите

мне лучше вот что: отчего вы бросили должность сельского учителя?

– Оттого, что не хотелось пропагандировать или, лучше сказать, заражать молодое поколение вашими тенденциями...

– Вот как! Заражать?.. Какие же бактерии вы в них усматриваете?

– Во-первых, вы в своих творениях отстаиваете только свое личное счастье, а во-вторых, вы обставили свое гнездышко такими нарезными орудиями, перед которыми спасовал бы наш неустрашимый генерал Скобелев... Возмутительней же всего то, что вы свое «личное» счастье прикрываете *общественным благом*.